

Сарчин Рамиль Шавкетович

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена рассмотрению стихов о природе Фатиха Карима 1930-х годов. Их анализ предваряется обзором образцов татарской пейзажной лирики тех лет - стихотворений Хасана Туфана, Сибгата Хакима, Мусы Джалиля. Своеобразие каримовского пейзажа усматривается в его экспрессивности, свойственной романтической по складу ранней лирике поэта. В целом же его "природные" стихи, как и тематически однородные произведения современников, отличает лирико-психологический и лирико-философский характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 144-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению стихов о природе Фатиха Карима 1930-х годов. Их анализ предваряется обзором образцов татарской пейзажной лирики тех лет – стихотворений Хасана Туфана, Сибгата Хакима, Мусы Джалиля. Своеобразие каримовского пейзажа усматривается в его экспрессивности, свойственной романтической по складу ранней лирике поэта. В целом же его «природные» стихи, как и тематически однородные произведения современников, отличает лирико-психологический и лирико-философский характер.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; лирика; поэтический пейзаж и его виды; романтический; экспрессивность.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.

*Академия наук Республики Татарстан, г. Казань
rsarchin@yandex.ru*

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ©

Тема природы, как известно, является одной из центральных, «вечных» тем отечественной литературы. Взаимоотношения человека с ней у каждого автора неповторимы и многообразны. Вот и в стихах татарских поэтов 1930-х годов можно наблюдать эти взаимосвязи различного рода.

Х. Туфан использует «лирико-психологические» художественные возможности пейзажа – при воспроизведении мира чувств и переживаний лирического героя и персонажа стихотворения. Природа «сочувствует», «сопереживает» им либо, наоборот, остаётся безответной к происходящему. Оба случая, например, можно наблюдать, с одной стороны, в «Ак каен» («Белая берёза»), с другой – в «Ә йолдызлар дәшми» («А звёзды не отвечают»). Но в любом случае она «маркирует» автора в тексте, выражает авторское отношение к событиям, своеобразно выступая «голосом» поэта. О лиричности, есенинской проникновенности туфановского пейзажа писал Т. Н. Галиуллин: «В тридцатые годы художника, скульптора Туфана, если можно так сказать, подчиняет себе Туфан-лирик» [1, с. 210].

Лирическая утончённость картин природы у Сибгата Хакима обусловлена её связью с «малой» родиной, с милыми сердцу местами детства, способными излечить от любой боли, оградить от всякой неурядицы: «Авырума врач кирәк түгел, // Йөрәгемнең беләм дәвасын. // Һәр ел саен кайтып иснәп киләм // Авылыбызның чиста һавасын» [9, с. 17] («Для моей болезни врач не нужен, // Знаю лекарство для сердца. // Каждый год возвращаюсь подышать // Чистым воздухом нашего села») (*Здесь и далее построчные переводы с татарского выполнены нами – Р. С.*).

Он же, родной пейзаж, является источником поэтического вдохновения, как об этом мы можем прочитать в том же стихотворении «Жырларымда телим...» («В песнях своих желаю...»): «Язар өчен илһам эзлә, диләр, // Урын эзлә, диләр, ямьлерәк. // Никтер минем шигъри хисләремә // Арышларның исе тәмлерәк!» [Там же] («Чтобы писать, ищи вдохновения, говорят, // Место ищи, говорят, по красивее. // Моим же поэтическим чувствам // Ближе запах ржи!»).

Вообще в стихах Сибгата Хакима о поэте и поэзии роль природы трудно переоценить. Она помогает ему выразить его самые душевные думы о поэтическом творчестве, его небесно-высоком происхождении, причём сделать это неповторимо, по-своему, находя в традиционной теме новые повороты и решения, как, например, в стихотворении «Яңгыр тамчысы һәм шагыйрь» («Капля дождя и поэт»): «Бүген менә салмак йөзеп килгән // Болытларның күрдем төркемен, // Юлдан эзләп тапкан энже кебек, // Учка тоттым яңгыр бөртеген. // Каләмемне куеп, колак салдым // Ерганаclar аккан төннәргә, // “Каләмдәрдән тамган тамчылар ул, // Жыелалар, дидем, күлләргә”» [Там же, с. 159] («Сегодня вот неторопливо приплывших // Туч увидел группу, // Как будто найденную на дороге жемчужину, // Взял в ладони зёрна дождя. // Оставив перо, прислушался // К журчащим в ночи ручьям, // “Это капающие с перьев капли, // Собираются, сказал, в озёра”»).

В стихотворении Мусы Джалиля «Боз ага» («Ледоход») весеннее обновление природы вызывают мысли об обновлении страны. Назовём такого рода пейзаж «социальным». В литературе соцреализма он имел немалое место в поэтической практике: «Бозлар ага... // Салкын бозлар булып // Ага илнең кара чүпләре»; «Килә... Сабан, сука, тырмалардан // Корраланган эшнең гаскәре. // Килә... Чәчәкләрдән, хөрмәләрдән // Тиң яралган илнең яшьләре. // Килә... Әнә, алтын башаклардан // Бәйләп куйган туклык көлтәсе. // Килә... Әнә, гөлдән, чәчәкләрдән // Бизеп куйган ирек иркәсе...» [3, с. 145]. В переводе А. Бондаревского эти строки звучат так: «Мощные потоки молодые // Мусор весь уносят из страны»; «Вот идут и сеялки, и плуги. // Молодёжь моей страны цветёт. // Вот идут мои друзья, подруги – // Армия труда, родной народ. // Для страны моей венки богатства // Связан из колосьев золотых. // Это наша воля, наше братство // Радостью венчают молодых» [2, с. 20]. При всей «идеологизированности» произведения, автор этих стихов ничуть не кривил душой при их создании. Видимо, естественное чувство душевного обновления, приподнятости духа, свойственное человеку по весне и выраженное в данном стихотворении в «сквозных» анафорах «Бозлар ага...» («Льды

идут...»), «Килә...» («Идёт...»), смывают, как половодье, саму мысль об этой «кривизне», выводя в дальнейшем поэта на создание таких образцов пейзажной лирики, каковым, безусловно, является стихотворение «Урман» – с его более чем одухотворённым, «человечным» пейзажем.

Такие сходные с картинами природы в стихах Туфана и Хакима пейзажи у Мусы Джалиля также обозначим как «лирико-психологические». Подобного рода пейзажи встречаем у него в стихотворениях «Карлар» («Снега»), «Бүген таңда ап-ак карлар яуды...» («Сегодня на рассвете шли белые-белые снега...»), «Ал чәчәккә кунган бал корты күк...» («Как севшая на розу пчела...»). Но своеобразие джалиловских пейзажей такого ряда, их особый лиризм, поэтичность обусловлены тем, что они связываются с любовным чувством, томлением лирического героя. Приведём в качестве примеров по несколько строк из каждого: «Жил изүемне чиште, кар каймагын // Күкрәгемә сылап жиберде. // Ул ахрысы минем йөрәк утын // Шулар кар белән басым дигәндер» [3, с. 120] (при наличии неплохого поэтического перевода Я. Козловского, всё же приведём построчный – он точнее передаст движение сердца автора и особенность татарской речи: «Ветер ворот мне распахнул, сметаной снега // Помазал мне грудь. // Видимо, он огонь моего сердца // Этим снегом хотел усмирить»); «Бүген таңда ап-ак карлар яуды, // Ә кич белән бар да эреде. // Мин көрсендем, // Минем сөөнечем дә // Шулар эрер кебек күренде» [Там же, с. 121] («Сегодня на рассвете шли белые-белые снега, // А вечером всё растаяло. // Я вздохнул, // Моя любовь, // Мне представилось, так же растает»), «Ал чәчәккә кунган бал корты күк, // Синен кочагыңа атылдым. // Бу мәхәббәт нинди көчле әйбер, // Бу йөрәкләр нинди ялкынлы!..» [Там же] («Как севшая на алый цветок пчела, // Устремился я в твои объятия. // Эта любовь какая сила, // Эта любовь какая пламенная!..»). В связи со «снежным» мотивом, составляющим образно-смысловую «стержень» первых двух названных произведений, нельзя не отметить, что в нём усматривается исток востребованного современной поэзией Татарстана образа снега. В связи с этим в первую очередь вспоминаются «снега» Роберта Миннуллина (прежде всего стихотворение о поздней любви «Мин яратам әле» – «Я ещё люблю») и «Казанские снега» Равиля Бухараева – со столь же проникновенной, «горячей» болью о самом родном, самом сокровенном, что и в стихах Мусы Джалиля.

Имеются у Мусы Джалиля и, так сказать, «чистые» пейзажи, где природа важна сама по себе. В такого рода стихах, как, например, «Яз жыры» («Песня весны»), в центре изображения – непосредственно явления, образы природы. В названном произведении это мчащиеся по улицам ручьи, проклёвывающиеся из почек берёзовые листья, поющие гимн весне берёзы, аккордом весенней песни грянувший гром, внимающие концерту весны кудрявые тополя, горящие, словно сердца, розы. Но природа настолько «очеловечена», что становится под пером поэта неотъемлемой частью общечеловеческой культуры. Этим обоснованы и мотив песни, весны-концерта, «окультуривающие» природу в этом стихотворении.

Немало песенного и в стихах о природе у Фатиха Карима. Наиболее востребованными у него становятся «небесные» образы песенного ряда, причём не без свойственного лирике поэта 1930-х годов «романтико-символического» толка: солнце, звёзды, ветер, облако, цветы. Порой они, в соответствии с установкой «социального заказа», поставлены «на службу дня», как, например, солнце в стихотворении «Еллар каршысында» («Перед лицом лет»): «Кояш шулар һәр көн күтәрелә, // Кызу нурлар сибеп яна да, // Домналарга сибеп ягылыгын, // Тау артына кирә янадан» [4, с. 246] («Солнце так каждый день поднимается, // Горит, рассыпая горячие лучи, // Отдав домнам свой свет, // Снова заходит за гору»). В этом смысле они часто имеют отвлечённый, немотивированный художественно характер, как и в случае, к слову, с другим образом из процитированного здесь стихотворения – с Днепром, который, для сравнения, в стихах Карима периода войны, когда поэт будет сражаться на приднепровских полях, обретёт «кровно», «судьбинно» оправданный смысл.

Пока же многое зависит от «идеологической» установки, «социального» пафоса, определяющего и характер пейзажа в стихах этой поры творчества. Внешне это проявляется в использовании пейзажа как фона происходящего, идущего как бы в «унисон» ему либо наоборот проивопоставленного. Таков пейзаж в «Эшчесугышчы» («Рабочий-воин»), который, как это, казалось бы, ни парадоксально, можно интерпретировать двояко: с одной стороны, тихий ночной пейзаж моря «противостоит» ужасам войны; с другой – именно под покровом ночной темени, под мерное «согласие» волн происходит жуткая сцена сжигания, как поленьев, мёртвых тел солдат.

Подобного рода «мрачным» пейзажам противостоит «времяпространство» весны, символизирующей собой приход новой эпохи и, таким образом, тоже настроенной «на злобу дня», как, например, в стихотворении «Язгы ташкын» («Весеннее половодье»): «Каршылаган язның // Көрәшенә күмелеп, // Күкрәк тавышы белән дәшәмен: // Без даулайбыз // Менә кеше, // Кеше төсле булып яшәунә» [Там же, с. 266] («При встрече весны, // Уходя с головой в её борьбу, // Мы требуем, // Чтобы человек // Жил по-человечески»). Но вот что показательное с точки зрения вектора развития лирики поэта: «весенняя» тема в стихотворении столь сильна, что «затопляет» собой, как и в случае со стихотворением Мусы Джалиля «Яз жыры» («Весенняя песня»), всю «идеологическую» подоплёку произведения. Вот отрывок из него, неслучайно (только в силу поворота «сюжета»), думается, выделенный в нём в отдельную «часть»: «Жылы, // Йөрәккә ягымлы, // Куанычлы булып яз килде, // Кояшка карады да, // Бүреген кырын салып, // Колхозчы көлде. // Көлде, // Үткән гомре // нинди озын, // Ләкин ул – // Ул бик аз кебек, // Көлде, // Чөнки аның яңа тормышы // Яңгырап килгән // шушы яз кебек» [Там же, с. 267] («Тепло, // Сердцу приятно, // С радостью пришла весна, // Посмотрел на солнце // И, сдвинув шапку набок, // Усмехнулся колхозник. // Усмехнулся, // Прошедшая жизнь // какая долгая, // Но она – // какая краткая, // Усмехнулся, // Потому что его новая жизнь // как эта шумная весна»). Здесь уже звучат философские интонации поэтических раздумий о жизни, близких лирике Твардовского последнего десятилетия его жизни – поры

написания стихотворений «Мне сладок был тот шум сонливый...», «Изведав жар такой работы...», «На дне моей жизни...» и др. При всём риске сопоставления двух талантов, невольно напрашивается мысль: а не предварял ли Фатих Карим в своих стихах поэтические прозрения русского собрата?

Наиболее удачные пейзажные зарисовки, конечно же, прежде всего воплощены в тех строках, где «природные» мотивы включаются автором в выражение внутреннего состояния человека. Таков «психологический» пейзаж, например, в стихотворении «Сүнгән вулкан» («Угасший вулкан»): «Көзге болыт күкне томалый, // Томан сыман яңгыр ява да, // Ташкын бозы кебек, // кисәкләргә бүленеп // Болыт агып китә һавадан» [Там же, с. 259] («Осенняя туча застит небо, // Как туман, льёт дождь, // Словно лёд в половодье, // ломаясь на куски, // Туча утекает по воздуху»). Это не просто созвучный переживанию поэта и его героя пейзаж: природа будто оплакивает утрату вчерашнего борца, скорбит вместе с автором.

Качественно иное измерение пейзажа встречаем и в стихотворении «Көтәм сине» («Жду тебя»). Здесь он призван выразить любовное томление лирического героя. Кажется, в этом произведении впервые слились две одни из самых лиричных тем в поэзии Фатиха Карима – природа и любовь. И в своём единстве они столь сильны, столь самодостаточны, что практически полностью «затмевают» один из ведущих мотивов каримовской лирики – мотив охраны и защиты Родины. Герою, ждущему свою возлюбленную, сопереживает вся природа: и сосна, к которой он прислонился; и ветер, ласкающий травы; и волнительные запахи цветов; и месяц, плавающий в «море звёзд», освещающий своим мягким светом тропки, по которым идёт на встречу со своим любимым девушка; и жаворонок, напевающий имя возлюбленной... Образ жаворонка особенно запоминается. Не только в лирике Фатиха Карима, наверное, вообще в поэзии не так много таких трепетных, волнительных образов: «Тургай кебек кечкенә кош булсаң, // Алып китер идем мин сине» [Там же, с. 28] («Если бы ты была маленькой, как жаворонок, // Я бы унёс тебя»).

При создании пейзажа и вообще при обрисовке события кисти поэта даются и «цветовые» образы, помогающие ему в необходимом для этого месте наиболее ярко передать мысль. Так, в стихотворении «Пулемётчы» («Пулемётчик») сочетание цветов с целью создания предельно выразительной картины помогает автору передать кульминацию сюжета – гибель красноармейца Ризы: «Ауды жиргә пулемётчы Риза, // Күксел төтен кунды төсенә, // Кызыл байрак булып кан жәелде // Ул егылган ак кар өстенә» [Там же, с. 277] («Упал на землю пулемётчик Риза, // Сизый дым покрыл его, // Красным знаменем кровь разлилась // На белый снег, на который он упал»), – даже экспрессионистского толка (цвета – «кричащие»). Краски, как на картинах экспрессионистов, словно «кричат», оплакивая смерть бойца.

Это вообще в характере пейзажа Фатиха Карима 1930-х годов, во многом «романтического» по своему художественному воплощению. В этом можно видеть одно из главных отличий его пейзажа от пейзажей современников. В целом же, его «природные» стихи устремлены к решению общих для вершинных явлений татарской пейзажной лирики тех лет эстетических задач – одухотворения природы и выражения посредством её сложного мира человеческих мыслей и переживаний. Это вело к новым открытиям в понимании мира и человека.

Список литературы

1. Галиуллин Т. Н. Дыхание времени (вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской советской поэзии до 1941 года). Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 304 с.
2. Джалиль М. Избранное: стихи и поэмы. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 271 с.
3. Джалиль М. Сайланма эсәрләр. Шагыйрь турында истәлекләр. Казань: ТаРИХ, 2004. 575 с.
4. Карим Ф. Эсәрләр: в 3-х т. Казань: Татарское книжное издательство, 1979-1981. Т. 1. 318 с.
5. Сарчин Р. Ш. Жизнь и судьба Фатиха Карима: биографический очерк, статьи. Казань: Татарское книжное издательство, 2014. 239 с.
6. Сарчин Р. Ш. «Начальная песня» Фатиха Карима // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46). Ч. II. С. 167-169.
7. Сарчин Р. Ш. «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Вып. 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).
8. Туфан Х. Сайланма эсәрләр. Казань: ТаРИХ, 2004. 431 с.
9. Хаким С. Сайланма эсәрләр. Казань: ТаРИХ, 2006. 463 с.

THE LANDSCAPE LYRICS OF FATIKH KARIM IN 1930S

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philosophy
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
rsarchin@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of poems about nature by Fatikh Karim in 1930s. Their analysis is preceded by the review of examples of the Tatar landscape lyrics of those years – poems by Khasan Tufan, Sigbat Khakim, Musa Jalil. The peculiarity of the Karim's landscape is shown in his expressiveness which is the characteristic of the early romantic lyrics of the poet. In general his "nature" poems as well as the thematic homogeneous poems of his contemporaries are distinguished by their lyrical-and-psychological and lyrical-and-philosophical character.

Key words and phrases: the Tatar poetry; lyrics; poetic landscape and its types; romantic; expressiveness.